

Василюк Ф.Е.

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ В.В. АРХАНГЕЛЬСКОЙ
«ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИРЕКТИВНОЙ
ПСИХОТЕРАПИИ»**

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. Отзыв официального оппонента на диссертацию В.В. Архангельской «Проблема понимания в современной индирективной психотерапии» [Текст] / Ф.Е. Василюк // Журнал практического психолога. – 2006. – №3. – С. 123 – 127.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ
В.В. АРХАНГЕЛЬСКОЙ «ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИРЕКТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ»

Диссертация В.В. Архангельской представляет собой глубокое теоретико-методологическое исследование, проблематика и значение которого выходит далеко за пределы темы, выраженной в названии. Исследование посвящено вовсе не частной, хоть и важной, проблеме понимания в частной психотерапевтической школе. Термин «индирективная психотерапия» применяется здесь для целого класса психопрактик, которые, по мысли автора, определяют зону ближайшего развития всей психологии. Равным образом и термин «понимание» используется не столько для описания специфического для роджерсианской психотерапии способа восприятия терапевтом жизненного мира пациента, сколько как общая категория, выражающая исторически меняющиеся типы постижения, имеющие место как в психологической практике и психологическом исследовании, так и в философском познании.

Логика исследования такова. Автор проводит методологический анализ понимания в терапевтической системе К. Роджерса и фиксирует принципиальное противоречие между типом понимания, которое используется как внутренний «орган» психотерапевтического действия, и типом понимания, к которому прибегает ученый, когда пытается научно описать и объяснить эффективность психотерапевтического процесса. Они совершенно не соответствуют друг другу: «научное понимание» не способно

понять и выразить «реальное понимание», осуществившееся на практике. Эта методологическая неконгруэнтность — не просто частная проблема клиентоцентрированной терапии К. Роджерса, а фундаментальная методологическая проблема всей научной психологии. Она состоит в том, что, с одной стороны, научная психология должна ассимилировать ценнейший опыт, накопленный в психологической практике, а с другой, она не способна это сделать в силу принятых в ней идеалов научности и реализуемых ею типов рациональности. Соблазнительная задача ассимиляции идейных богатств оборачивается для психологии трудоемкой задачей методологической «аккомодации», развития нового эпистемологического зрения и емких концептуальных схем, которые бы позволили эти содержательные богатства увидеть, освоить и удержать.

Конкретно в качестве главной «жемчужины» индирективной психотерапии, от овладения которой зависит, по убеждению автора, методологическая судьба всей психологии, выступает феномен «инициального опыта» (радикальной внутренней трансформации человека в ходе ли психотерапии или при включении в эзотерическую практику и др.). Феноменология инициального опыта реализуется в практике индирективной психотерапии, но дистанция от ее практической реализации до превращения этой феноменологии в метод психологии личности примерно такая же, как от броска камня по оптимальной траектории опытной мальчишеской рукой до теории баллистики и основанной на ней практики баллистических расчетов при решении конкретных артиллерийских задач.

Таким образом, в центре размышлений автора оказывается принципиальный вопрос о методе психологии личности, который смог бы обеспечить взаимообогащающее методологическое единство практики и теории.

Поставив этот вопрос, автор отправляется за поиском ответов к истории философии, ставя перед собой задачу: осуществить «радикальное переосмысление и трансформацию» «классических версий феноменологии и герменевтики» (Автореферат, с. 7). Задача более чем дерзкая, но в конце концов когда же и дерзать, если не в 25 лет?!

Разумеется, дерзость похвальна лишь в случае успеха. Если спортсмен на вышке для прыжков в воду заказывает прыжок высшей категории сложности, претендуя на высокий коэффициент судейских оценок, он может выполнить его не идеально, но уровень прыжка должен соответствовать заявке. Поэтому и при оценке этой диссертации, ставящей перед собой цели такого ранга, важно для начала оценить уровень философско-методологической техники автора.

Фоном для такой оценки может послужить обычный, средний уровень, который мы встречаем в психологических исследованиях. Приходится

с грустью констатировать, что за редкими исключениями философская подготовка большинства современных соискателей степени кандидата наук достаточно низкая. Главное отношение к философии определяется установкой на заимствование, причем не на заимствование принципиальных идей и методов, чаще всего дело ограничивается тем, чтобы перехватить у философии пару—тройку цитат на текущие нужды украшения текста. Здесь же, в диссертации В.В. Архангельской, мы встречаемся со зрелым, полновесным, равным диалогом психологии и философии. Для решения фундаментальных проблем нашей науки автор предпринимает, по сути, самостоятельное философское и науковедческое исследование, но при этом не подменяет им собственно психологического исследования, а находит очень продуктивную их интеграцию, требовательно и критично относясь к самой философии. Психология, как выясняется, обладает недюжинным философским потенциалом и способна не только к заимствованиям, но и к внесению творческих вкладов в саму философскую мысль.

Каковы основные результаты данного теоретического диссертационного исследования?

1. Автор осуществляет методологический анализ психотерапевтических систем двух, пожалуй, самых выдающихся психотерапевтов прошедшего столетия З. Фрейда и К. Роджерса. В обоих случаях обнаруживаются и очень точно описываются методологические противоречия между типом психологического мышления, реализуемого в психотерапевтической практике, и типом мышления психологической и метапсихологической рефлексии собственной практики.

2. Другой важнейший результат работы в том, что автор убедительно доказывает иллюзорность представлений об абсолютной «неангажированности» психотерапевтической техники, о том, что она де может быть в неизменном виде перенесена из школы в школу, из подхода в подход, не принося вместе с собою дух того подхода, в котором она была рождена. Но дело даже не только в нелегальном проникновении в данный подход чуждых ему идей, все не исчерпывается гносеологическим уровнем, а затрагивает и онтологический. Автор приходит к очень глубокому выводу о том, что каждая психотехника развязывает определенные силы, открывает возможность присутствия и действия в психотерапевтическом сеансе разных реальностей. Психотерапевт обязан знать (или хотя бы хотеть знать), какие силы он призывает к бытию (Автореферат, с. 67), у него нет права на прагматическое и технологическое алиби.

3. Еще один важный теоретико-методологический результат — создание концепта «современной индирективной психотерапии». «Индирективная психотерапия» в диссертации — это не одно из наименований подхода К. Роджерса, это старый термин для нового концепта, включающего

в свой объем такие во многом непохожие системы, как аналитическая психология К. Юнга, процессуальная терапия А. Минделла, инициальная психотерапия К. Дюркхайма и др. Все они объединяются вводимым автором «принципом индирективности». «В соответствии с принципом индирективности, — пишет В.В. Архангельская, — у каждого человека есть все необходимые и достаточные "ресурсы" для выполнения основной терапевтической работы, внутри которой высвобождается и приводится к осуществлению некий универсальный процесс личностного развития человека и, тем самым — в качестве только побочного результата — достигается исцеление. Основной терапевтический процесс при таком его понимании не может быть произведен путем внешнего воздействия» (Автореферат, с. 6).

Можно было бы оспорить саму терминологию — соответствует ли всему этому термин «индирективный» (термин отрицательный, полемически заостренный против фрейдистской монологической стилистики, несущий в себе всего лишь отказ от управления, высказанной автором идее). Похоже, что нет, ведь суть идеи в том, что главным терапевтическим упованием, т.е. главным процессом внутри терапии является «процесс личностного развития», а главные события этого процесса есть «инициальные опыты», «опыты радикальной внутренней трансформации человека, не выводимые из его прошлого и прямо не производимые по законам самого психотерапевтического процесса» (Автореферат, с. 6). Если перевести это на простой общепсихологический язык (пусть и с потерей смысловых нюансов), то можно было бы сказать, что внутренним нервом «индирективной психотерапии», является творчество, но не творчество как функция и проявление мышления, а витальное и экзистенциальное творчество — непредсказуемый, негарантированный, рискованный шаг пациента в новую жизнь. Могу солидаризироваться с этой идеей, исходя из собственного психотерапевтического опыта: приходится убеждаться, что из ситуации драматического жизненного кризиса человек не может выйти по горизонтали, двигаясь в той же плоскости, в которой кризис возник, а только по вертикали — либо в сторону личностного развития, либо в сторону деградации, во всяком случае, он должен будет претерпеть личностную метаморфозу.

Вот этот опыт радикальной экзистенциальной новизны и есть идейное ядро, обладая которым, психотерапевтическая система может вступить в орден «индирективной психотерапии». Повторю, само название этого ордена не кажется мне удачным, выражающим суть дела, хотя идея представляется и теоретически, и практически очень перспективной.

Второй вопрос, который возникает у читателя при встрече с концептом «индирективная психотерапия», связан с объемом понятия. Если под

эту категорию подпадают такие разные системы, как аналитическая психология К. Юнга, личностно-центрированная терапия К. Роджерса, процессуальная психотерапия А. Минделла, логотерапия В. Франкла и экзистенциально-инициальная психотерапия К. Дюркхайма, а в противоположную категорию «директивной психотерапии» включаются такие, еще более разнящиеся между собой системы, как психоанализ З. Фрейда и нейролингвистическое программирование Р. Бандлера и Дж. Гриндера, то возникает закономерный вопрос: является ли в самом деле так понятая оппозиция «директивный—индирективный» настолько существенной, чтобы ради нее можно было мириться с такими странными соседствами?

Если попытаться определить, к какой области психологической науки относится исследование, то приходишь к выводу, что данная диссертация — тот редкий случай, когда ВАКовская специальность «19.00.01 — общая психология, психология личности, история психологии» кажется не просто объединением через запятую трех разноранговых дисциплин, а единой научной дисциплиной. В самом деле, диссертация В.В. Архангельской — это теоретическое общепсихологическое исследование, ставящее фундаментальный вопрос о возможности «практической психологии личности» и обращающееся для решения этого вопроса к истории психологии как живой, меняющейся идейно-диалогической реальности.

Стоит специально отметить, что диссертация написана ясным, четким, точным языком, что особенно ценно для сложных теоретических задач, которые решаются в данном исследовании.

Таким образом, представленная диссертация «Проблема понимания в современной индирективной психотерапии» соответствует всем критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает исковой степени кандидата психологических наук.

Ф.Е. Василюк,

кандидат психологических наук,
декан факультета психологического
консультирования Московского городского
психолого-педагогического университета